

В. А. Шнирельман
Ответ моим оппонентам

Уважаемые грузинские коллеги ставят под сомнение постановку мною следующего вопроса: «Если в основу кладется национальная идея и целью считается развитие и укрепление этнического самосознания, можно ли избежать противопоставления себя Другому и наделения этого Другого негативными чертами?» Они полагают, что «это, конечно, возможно (а в некоторых случаях уже достигнуто)». Эта брошенная вскользь фраза вызывает недоумение. Ведь поставленный вопрос – отнюдь не риторический. Во-первых, этническая идентичность строится по оппозиции к Другому и иначе строиться не может. Это – азбучная истина культурной антропологии, против которой не станет возражать ни один специалист. Неужели мои оппоненты ставят это под сомнение? Во-вторых, при этом наделение Другого негативными чертами вовсе не обязательно, но нередко встречается. Здесь встает важный и очень актуальный вопрос о том, при каких условиях становится возможным избежать наделения Другого негативными чертами. Жаль, что мои уважаемые оппоненты обошли обсуждение этой проблемы, скрыв от нас, что именно в этой сфере достигнуто и каким образом.

Остается также неясным, какую именно «опасную универсализацию» мои оппоненты нашли в моем выступлении, где, во-первых, на конкретных примерах обсуждались самые разные компоненты национального мифа, хорошо известные его исследователям (по этому вопросу существует огромная литература), а во-вторых, ясно говорилось: «Вряд ли можно дать единый универсальный рецепт, ибо каждый конкретный случай имеет свои особенности. Однако в целом можно сформулировать следующие подходы: одни из них, возможно, окажутся полезными в одних ситуациях, другие – в других».

Если кому-то этот подход остается неясным, я должен объяснить следующее. Речь идет о том, что «единого универсального рецепта» дать невозможно (и здесь мои оппоненты со мной соглашались). А предложенные мною подходы – это пища для размышления тому, кто готов об этом размышлять. Не более того. Я вполне допускаю, что кое-кому по тем или иным причинам это вовсе не подойдет. Кто-то отвергнет одно, но найдет полезным другое. Никому ничего навязывать я не собирался и не собираюсь. Поэтому и здесь я не нахожу никакой «опасной универсализации».

Удивляет стремление моих оппонентов отрицать хорошо известный специалистам факт, что национальный миф, «как правило, не обходится без образа векового врага». Вставленный здесь оборот «как правило» означает, что имеются и исключения. Однако к таковым вряд ли можно отнести современные грузинские учебники. Ведь странно звучит утверждение моих оппонентов о том, что якобы «образ врага вряд ли можно найти в современных школьных учебниках истории Грузии». Но в докладе одной из них ясно объясняется, что в этих учебниках роль России на протяжении последних двухсот лет выглядит исключительно негативной. Не является ли именно это «опасной универсализацией», воспитывающей подрастающее поколение в духе конфронтации и позволяющей ему с энтузиазмом относиться к войне с «северным соседом»?

Оппоненты имеют полное право сомневаться в том, что «можно ‘избежать мифотворчества’, укорачивая исторический нарратив, убрав из него древнейший и современный периоды» (мое первое предложение). Именно такие сомнения я и имел в виду, предполагая, что мои предложения подойдут не всем. Но мне представляется, что было бы много конструктивнее не отрицать эти предложения с порога, а обсудить, по каким именно причинам они в том или ином контексте не подходят. Я, например, убежден в том, что поиск корней современных народов в глубинах первобытности мало конструктивен, ибо лишь ведет к расцвету мифотворчества. Действительно, чем глубже в первобытность, тем вероятнее борьба соседних народов за одних и тех же предков или даже стремление приписать себе чужих предков. И одна из оппонентов в своем выступлении блестяще иллюстрирует это на примерах грузинского и абхазского учебников.

Мое пятое предложение о том, что «не стоит замалчивать неприятные моменты истории, так как в противном случае о них все равно напомнит социальная память или альтернативная история», относится к сравнительно недавним событиям истории, хорошо освещенным источниками, но получающим разную интерпретацию у конфликтующих сторон. Но это вовсе не относится к эпохе палеолита, где кое-кому хочется обнаружить своих прямых предков. Не уверен, что стоит знакомить учащихся с такими точками зрения, ибо сегодня их так много, что на это не хватит и всех часов, отведенных на изучение истории. Многочисленные примеры такого мифотворчества рассматривались мною в ряде книг и многочисленных статьях, и при желании оппонентам было бы нетрудно с ними познакомиться.

Впрочем, отрадно, что одна из моих оппонентов в своем выступлении нашла нужным принять мое четвертое предложение о том, что «нельзя ограничиваться историей титульного народа, а нужно давать представление об истории всего общества, включая этнические меньшинства; нужно показывать, что их представители тоже участвовали в развитии данного общества и государства». Впрочем, и пятое предложение как будто бы находит понимание у моих оппонентов. Жаль только, что они забыли все это упомянуть в своих комментариях.

Что же касается государственных указов об образовании и Национальных учебных планов, декларирующих всевозможные позитивные намерения, то, к сожалению, в современном обществе такие благие пожелания нередко входят в противоречие с имеющей место практикой¹. Поэтому одной ссылки на такие указы оказывается недостаточно. Важнее проанализировать тексты учебников и практику учебного процесса, где можно встретить реализацию совершенно иных установок и принципов. Кроме того, даже самый политкорректный учебник вряд ли убедит учащихся, если его призывы к миру и уважительному отношению к меньшинствам расходятся с окружающей реальной политической практикой. Поэтому-то я и предлагал не доводить повествование до самых последних лет. Пусть учащиеся сами без подсказки учебника постараются оценить то, что происходит у них на глазах.

¹ Об этом на примере российских учебников я писал в целом ряде работ. См., напр.: В. А. Шнирельман, «Патриотическое воспитание»: этнические конфликты и школьные учебники, в: *Расизм в языке образования*, с. 88-111 / Под ред. В.Воронкова, О.Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2008; Victor Shnirelman, “Stigmatized by history or by historians? Peoples of Russia in the school textbooks in history,” in: *History and Memory* 21, no. 2 (2009): 110-149.

Теперь, что касается моих «фактографических ошибок». Речь идет об освещении в грузинской историографии 20 в. проблемы появления осетин в Грузии и об использовании версии Ингороквы в грузинских школах в 1990-х гг. Оппоненты требуют от меня точных ссылок, которые просто невозможно было дать в краткой обобщающей статье, посвященной более общим проблемам. К сожалению, мои оппоненты не нашли нужным ознакомиться с моими книгами, опубликованными несколько лет назад и доступными как на русском, так и на английском языке. Ссылки на эти книги даны в моей работе, и именно там заинтересованный читатель мог бы найти исчерпывающее изложение интересующих его вопросов с обширной библиографией. Там же рассматриваются и содержащиеся в грузинской историографии (разных лет!) оценки деятельности Давида куроपालата. В дополнение к приведенной ссылке могу добавить книгу академика Г. А. Меликишвили, на авторитетное мнение которого я и опирался².

Должен также заметить, что слова о том, что «в 1990-х гг. в грузинских школах начали преподавать историю по версии П.Ингороквы», вовсе не означают, что так произошло во всех без исключения школах и что в каких-то школах не преподавались иные версии. Такого утверждения в моей работе нет. Но сами мои оппоненты признают, что «версия П. Ингороква, если и излагалась в дореформенных учебниках, то лишь в качестве одной из существующих точек зрения». Так все-таки излагалась? Тогда зачем же выискивать предмет для спора там, где его нет? Впрочем, стоит отметить, что в современном грузинском учебнике абазгам приписывается «грузинское происхождение». А ведь это – одно из ключевых положений концепции Ингороквы, вызывающее полное неприятие у абхазов, считающих тех своими предками!

Если же мои оппоненты сомневаются в том, что в течение 20 в. «в грузинской историографии осетин было принято изображать кровожадными варварами, устраивавшими набеги на мирные грузинские села и противоправно претендовавшими на исконные грузинские земли», то остается порекомендовать им ознакомиться с обобщающими произведениями по истории Грузии, издававшимися грузинскими историками во второй половине 20 в. Похоже, что под «историографией» мои уважаемые оппоненты понимают только издания, вышедшие после реформы 2004 г. Однако в памяти и абхазов, и осетин сохранились и более ранние публикации. И было бы наивно думать, что учебники, опубликованные после 2004 г., моментально изменят ситуацию, тем более, что политические события на Южном Кавказе последних лет кардинально расходятся с благими намерениями авторов новых учебников.

И еще несколько слов о фактографических ошибках, на этот раз вполне реальных. В работе Н. Чиковани говорится, что Конфедерация (горских) народов Кавказа сыграла «неблаговидную роль» в конфликтах на Кавказе и «этот негативный опыт остался в коллективной памяти народов Кавказа». Хотелось бы уточнить, о каких именно народах здесь идет речь? Ведь в 1992 г. Конфедерация реально помогла абхазам в отражении агрессии (и этим занималась отнюдь не узкая группа интеллигенции), и абхазы (а они являются народом Кавказа) с благодарностью об этом вспоминают. Тем более, что автор изящно обходит вопрос о том, кто именно сыграл «неблаговидную роль», переведя конфликт в

² Г. А. Меликишвили, *Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии*, Тбилиси: Мецниереба, 1973. С. 133-138.

русло военной агрессии. Так что здесь мы встречаемся с «опасной универсализацией», искажающей более сложную реальную картину.

То же самое относится и к описанию дискуссии о кавказском единстве в эмигрантской среде 1920-30-х гг. Чиковани пространно цитирует заметку армянского автора в грузинской газете (!), якобы свидетельствующую о позитивном отношении армян к этому проекту. И лишь походя упоминается о том, что армяне не спешили подписывать пакт Кавказской конфедерации. На самом деле проект вызвал упорное сопротивление подавляющего числа армянских деятелей, усматривавших в нем происки Турции. Кстати, вовсе не рассматриваются гораздо более показательные случаи Горской республики и Закавказской федерации, которые являлись реальными попытками (не на словах, а на деле) воплотить в жизнь идею кавказского единства. И было бы полезно проанализировать причины, по которым эти проекты оказались нежизнеспособными. Такое избирательное отношение к источникам является типичным для национальной историографии. Именно это и имеют в виду аналитики, говоря о конструировании истории. И именно это позволяет историю неоднократно переписывать.

Наконец, авторов волнует изложение «тонких тем», которое «может стать основанием для усугубления конфликтной памяти и разжигания вражды». При этом одна из них в своем выступлении сочувственно цитирует грузинский учебник (вспомним, что он признается позитивным плодом реформы 2004 г.), где в отношении абхазов говорится об «историческом существовании этого народа на грузинской территории». Но сами абхазы убеждены в том, что они веками живут на своей, а не на «грузинской территории». Интересно, как бы отреагировали мои уважаемые оппоненты, если бы в российском учебнике было написано, что в 19-20 вв. грузины жили на российской, а затем на советской территории? (к счастью, ничего подобного в российских учебниках нет) Сомневаюсь, что это было бы воспринято ими позитивно. Между тем, вплоть до последних десятилетий 19 в. абхазы составляли подавляющее большинство населения на территории Абхазии. Кстати, и местные мегрелы, сами недавно переселившиеся туда или являвшиеся потомками бывших переселенцев, сознавали, что на этой земле веками жили абхазы, и никогда это не оспаривали (в отличие от грузин из Восточной Грузии).

В то же время следует отметить, что представление о народе как субъекте политического и территориального суверенитета сложилось лишь в течение последних двухсот лет. В эпоху средневековья этого не было. Тогда территория принадлежала отдельным властителям и переходила по наследству к их потомкам, либо же расширялась или сужалась в результате военных действий. Поэтому названия средневековых государств, иной раз воспринимающиеся сегодня как этнические, по сути, не имели никакого отношения к этничности. И политика тогда отвечала целям отдельных властителей, а вовсе не осуществлялась в интересах того или иного «народа» или «строительства его государственности». Разрыв между знатью и простым народом был слишком велик, чтобы можно было говорить об общности их интересов. О том, что националистическая историография решает этот вопрос по-своему и почему это происходит, прекрасно писал Эрнест Геллнер.

Что же касается «разжигания вражды», то удивляет содержащееся в выступлении К. Какителашвили стремление навязать агрессору и жертве равную ответственность за разрушительную войну. Неужели такое преподается в

современной грузинской школе? Полагаю, что было бы полезно обсудить этот тезис на форуме, в особенности, с участием немецких коллег.

Наконец, последний пассаж вообще производит впечатление полного сумбура. В моей работе речь шла о невозможности однозначной оценки советской национальной политики и советской модернизации. Похоже, авторы с этим не согласны. Им ясно, что «результаты политики отчетливо проявились в доселе неурегулированных конфликтах, серьезном кризисе идентичности в разных регионах постсоветского пространства, экономических проблемах и т.д.» Я не являюсь слепым сторонником советской национальной политики, и, если бы оппоненты читали мои работы, они нашли бы там немало критики в ее адрес. Эта политика вовсе не была строго продуманной, однозначной и прямолинейной. В разные исторические периоды и в разных регионах она выглядела по-разному. И модернизация проходила в разных регионах по-разному. Но вряд ли можно всерьез оспаривать реальные достижения советской науки, системы здравоохранения и системы образования, а также советской культуры, в развитии которых активное участие принимали все советские люди, включая и грузин. В России до сих пор живут и успешно трудятся деятели науки и искусства, имеющие грузинские корни. И их там окружает заслуженное уважение. Если же современная Грузия, вставшая, наконец, на путь самостоятельного развития, так и не смогла за почти двадцатилетний срок преодолеть свои экономические трудности, несмотря на колоссальную финансовую помощь, все эти годы поступающую из-за рубежа, то вряд ли в этом стоит винить советское наследие или современную Россию. Отмечу, что за эти годы некоторые известные грузинские бизнесмены сколотили в России достаточно солидное состояние. Почему они не могли этого сделать в Грузии? Вообще стремление объяснять свои неудачи внешней причиной обрекают на постоянный неуспех, так как не позволяют непредвзято взглянуть на свои собственные недостатки и своевременно изменить пагубную стратегию поведения, которая раз от разу приводит к провалам. Это относится как к отдельному человеку, так и к государству. В этом и состоит уязвимость концентрации на образе «векового врага», не позволяющей видеть свои собственные промахи и их причины.

А причины указанных моими оппонентами негативных процессов можно интерпретировать и иначе: а не являлось ли это результатом ослабления Советского государства, а затем и его полного распада? Разве моим уважаемым оппонентам неизвестно, что крушение империй (Османской, Австро-Венгерской, Британской, Французской) сопровождалось серьезными межэтническими или межконфессиональными конфликтами и кровопролитными войнами, вызванными становлением национальных государств, оспаривавших друг у друга пограничные территории? И, кстати, разве авторам неизвестно о конфликтах абхазов и южных осетин с Демократической Грузией в 1918-1921 гг. и о ее экономических проблемах? И о кровопролитных войнах между армянами и азербайджанцами в тот же период? Так стоит ли все это связывать лишь с «коммунистическим режимом»? Может быть, полезнее обратиться к фактору национализма? И как оценивать деятельность людей, которые годами входили в коммунистическую номенклатуру и служили идеям коммунизма, а затем встали во главе новых государств, полностью отбросив те коммунистические идеалы, в верности которым они прежде клялись? Такие сложные проблемы – вызов для историков, и я отчетливо сознаю, что их очень непросто объяснять учащимся. Но мне так же ясно, что эти проблемы не приемлют упрощенных решений.

И последнее. Мне представляется, что по целому ряду позиций у меня нет расхождений с моими оппонентами. Поэтому вызывает удивление тот факт, что они этого не заметили или сознательно проигнорировали. Интересно и то, что, обещая «высказать несколько соображений по поводу представленных на конференции докладов и их обсуждений», авторы комментариев фактически ограничились обсуждением одного лишь моего выступления. Других они как будто бы и не заметили. Такой небеспристрастный выбор вызывает недоумение. Думаю, научные дискуссии предполагают более внимательное знакомство с аргументами оппонентов и обсуждение реальных, а не надуманных проблем.